

UDK 811.16'367
Б. Ю. Норман
Univerza v Minsku

ХИАЗМ В СТРУКТУРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ФУНКЦИИ И СЛЕДСТВИЯ

V prispevku je obravnavan hiazem, tj. skladenjska zamenjava tipa *Človek ne živi zato, da bi jedel, ampak je zato, da bi živel*, pogost v besednih igrach, aforizmih, pregovorih itd. Raziskane so nekatere posledice hiazma, npr. rahljanje povezav med določenimi skladenjskimi položaji in pomenskimi lastnostmi besed. Ob zgledih hiazma v nekaterih slovanskih jezikih (ruščini, bolgarščini, poljščini) je ponazarjana odvisnost tega prijema od jezikovnih zakonitosti posameznih jezikov (besedni red, obstajanje sklonov itd.).

The article discusses the chiasmus, i.e., syntactic switch of the type *A person does not live in order to eat but eats in order to live*, which is common in puns, aphorisms, proverbs, etc. It analyzes some consequences of the chiasmus, e.g., the loosening of connections between individual syntactic positions and semantic properties of words. The examples from some Slavic languages (Russian, Bulgarian, Polish) demonstrate the dependence of this procedure on the linguistic principles of individual languages (word order, presence of case forms, etc.)

Ključne besede: hiazem, skladenjska vloga, skladenjski pomen, besedni red

Key words: chiasmus, syntactic role, syntactic meaning, word order

1 Хиазм, или синтаксический перевертыш – феномен динамической грамматики: это один из частных и специфических способов формирования лексико-грамматической структуры высказывания. В наиболее типичном случае хиазм представляет собой «косой крест», в форме которого – на протяжении обозримого отрезка текста, чаще всего одного предложения, – две лексемы (или семемы) обмениваются своими синтаксическими позициями. Впрочем, с таким же правом можно утверждать, что это две синтаксические позиции обмениваются «принадлежащими» им лексемами (семемами). Примеры хиазма хорошо известны и описаны на материале разных славянских языков, ср. рус. *Не место красит человека, а человек место; Молодец против овец, а против молодца и сам овца; Надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть; Ты мне, я тебе*; укр. *Не ясла до коней ходять, а коні до ясел*; пол. *Wieś miastu, miasto wsi; Mój wiersz mnie tworzy, ja nie tworzę wierszy* (Т. Różewicz); *Wielbłąd może pracować przez cały tydzień, nie pijąc, człowiek może przez cały tydzień pić, nie pracując* (J. Tuwim); болг. *Не красивите са щастливи, а щастливите са красиви; Ако камък удари гърнето – тежко на гърнето; ако гърнето удари камък – тежко пак на гърнето; Няма зло без добро, няма добро без зло*; сербск. *Ако неће бријег Мухамеду, хоће Мухамед бријегу; Ни баке нису увек биле добре. Да су биле добре, не би постале баки* (Д. Радовић); словенск. *Vo pogreb na dan sejma ali sejem na dan pogreba?* (F. Lipuš) и т.п.

1.1 Хиазм по своей природе многогранен. Если подходить к нему с позиций синтаксиса, то он занимает свое место в ряду конструкций, построенных по

принципу синтаксического параллелизма. Его можно анализировать также в связи с проблемой измененного (инвертированного) порядка слов. Если рассматривать хиазм под углом зрения лексики, то перед нами – специфическая разновидность лексико-семантического повтора. В каком-то смысле он воплощает в себе и тенденцию к экономии языковых средств, поскольку развертывание фразы происходит в таком случае за счет единиц, уже (только что) использованных говорящим. Хиазм – превосходная иллюстрация к тезису о системном устройстве языка: здесь становится очевидным, как структура целого (текстового фрагмента) определяет структуру части (отдельного предложения). Синтаксический перевертыш представляет интерес и с точки зрения логики и психологии: «его целостность убедительно завершает мысль» (Дж. Уэлч), его симметричность оказывает несомненное эстетическое воздействие на слушающего. По мнению О.А. Крыловой, эффект хиазма основан на неожиданности, с которой «деструктивное» предложение противопоставляется предыдущим фразам, «отвечающим общему коммуникативному заданию текста» (Крылова 1995: 212).

1.1.1 Чаще всего хиазм трактуют именно в данном ключе: как риторический (стилистический) прием, оживляющий повествование и придающий ему дополнительную эстетическую ценность, как способ «чуть парадоксального заострения слога». В силу последнего обстоятельства хиазм составляет структурную основу многих афоризмов, пословиц, лозунгов, анекдотов и т.п. Следует отметить, что в качестве литературного приема хиазм известен чрезвычайно давно; его примеры исследователи обнаруживают уже в древнееврейских сакральных текстах X – VIII вв. до н. э. Именно под данным углом зрения синтаксические перевертыши и рассматриваются в большинстве работ (Щербина 1975, 62–63; Хелльберг 1988; Крылова 1995 и др.). Некоторые авторы вообще склонны трактовать хиазм как разновидность каламбура, среди прочих видов словесной игры (Buttler 1974, 257–263; Брезински 1994, 51 – 54).

1.1.2 В наиболее глубоком и детальном на сегодняшний день исследовании, посвященном данной теме, – книге Э. М. Береговской, – хиазм определяется как сложное, многокомпонентное явление, классификация подвидов которого обуславливается тем или иным набором компонентов. Вот полное определение хиазма: «это трансформационная синтаксическая фигура, в которой даны как трансформ, так и исходная форма, а трансформация включает от одной до трех операций: 1) перестановка элементов исходной формы по принципу зеркальной симметрии (обратный параллелизм); 2) двойной лексический повтор с обменом синтаксическими функциями; 3) изменение значения полисемантического слова или замена одного из слов исходной формы его омонимом» (Береговская 1984: 16). Однако нельзя сказать, что тем самым дается исчерпывающий лингвистический портрет хиазма. Дальнейшее исследование данного явления может пролить свет на некоторые особенности процессов речепорождения и речевосприятия; интерес представляет также сопоставительно-типологическая характеристика хиазма в славянских языках.

1.2 Как следует уже из приведенных выше примеров, хиазм может охватывать самые разнообразные синтаксические структуры: предикативные, атрибутивные,

объективные и др.; он нередко охватывает и строение сложного – сложно-сочиненного и сложноподчиненного – предложения. Кроме «классического», чистого хиазма, когда две синтаксические позиции просто обмениваются своим лексическим наполнением (что естественно отражается на порядке слов в предложении), существуют более сложные разновидности этого синтаксического явления. В частности, синтаксический перевертыш может быть связан с частеречными, словообразовательными и семантическими преобразованиями, ср. примеры типа рус. ...*С этого времени вся жизнь его приняла странный оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне* (Н. В. Гоголь. Невский проспект); *Он вспомнил про вихор, хотел было его пригладить, протянул руку к тому месту, которое Катя определяла то как «затылочную часть макушки», то как «макушечную часть затылка», но тут же забыл о своем намерении...* (Г. Николаева. Битва в пути); *Про руководителей РАППа Георгия Лелевича и Леопольда Авербаха сложили афоризм: как Юрка ляпнет, так Ляпка юркнет* (В. Баранов. Горький без грима. Тайна смерти); белор. *Мера розуму: не такі разумны, каб мудраваць, і не такі мудры, каб разумнічаць* (М. Коўзкі); польск. *Z racją stanu jest zawsze doskonałe, ale jak jest ze stanem racji?* (J. Wejroch); *Rząd się wałęsa, a Wałęsa rządzi* и т.п.

Хиазм может вовлекать в свою орбиту большее, чем два, число лексем (семем), ср. примеры типа рус. *Рад дурак, что пирог велик; рад пирог, что у дурака рот велик* (Пословица); польск. *Prosimy odróżniać Lekką Muzę od Muzy lekkiego prowadzenia się* (S.J. Lec); *Pijak chciał rzucić wódkę, lecz wódka rzuciła go pierwsza na ziemię* (Из школьного сочинения) и т.п.

Особого внимания заслуживают скрытые, или свернутые, хиазмы, в которых первая, «сама собой разумеющаяся», часть опущена, а слушающему (в частном случае – читателю) предлагается только вторая, «перевернутая» часть. Примерами могут служить выражения типа *Хвост вертит собакой* (о ситуации, в которой подчиненный управляет начальником, решает за него какие-то вопросы) или *Овцы съели людей* (о последствиях индустриальной революции в Англии, когда разведение овец и расширение пастбищ привело к вытеснению крестьян-арендаторов). Понятно, что исходными в речемыслительном плане для данных высказываний послужили антитезы типа *Не собака вертит хвостом, а хвост вертит собакой* или *Не люди съели овец, а овцы съели людей*.

2 Важнейшая собственно языковая предпосылка хиазма – это сложное, многоуровневое устройство языковой системы и относительная автономность каждого из этих уровней. По сути дела, перевертыш и демонстрирует в ходе речепроизводства независимость выбора лексических единиц от выбора синтаксических конструкций и морфологических форм.

2.1 То, что каждый языковой уровень функционирует в значительной мере по своим собственным законам, подтверждается примерами ошибок, имеющих место в спонтанной (неподготовленной, свободно текущей) речи.

2.1.1 Так, случается, что говорящий уже выбрал слова, необходимые ему для построения фразы, однако какие-то причины приводят к нарушению последовательности фонем, составляющих их план выражения. Эти обмолвки (реже – описки)

могут происходить в рамках одного слова; нередко они связаны с какими-то артикуляционными затруднениями, ср. *аксепт* вместо *аспект*, *кочервяжиться* вместо *кочевряжиться* и т.п. Со временем случайные перестановки фонем могут закрепляться общественной традицией, и тогда возникают примеры исторической метатезы: *тарелка* (из *талерка*) или *ладонь* (из *долонь*). Особенно характерны перестановки звуков для детской речи (Цейтлин 2000: 79–80), и это понятно: образ слова у детей еще плохо связывается с установленной (закрепленной) последовательностью фонем. Иными словами, лексика и фонетика функционируют в данном случае недостаточно согласованно.

2.1.2 О том же говорят случаи «обмена» фонем между разными словами, встречающиеся в спонтанной речи. Имеются в виду многообразные обмолвки вроде *огульно огаивать* вместо *огульно охаивать*, *платовые носки* вместо *носовые платки*, *посетителей не будят* вместо *победителей не судят* и т.п. В лингвистике перестановки такого типа получили специальное название спунеризмов (Фолсом 1974: 148; Sobkowiak 1990) и т.п. Приведем пример на отражение подобных оговорок в художественной литературе:

– Прулле, там ривидение! – завопил он.

– Он хотел крикнуть: «Рулле, там привидение!», но от страха у него заплетался язык, и получилось: «Прулле, там ривидение!» (А. Линдгрэн. Малыш и Карлсон, который живет на крыше).

Еще один характерный пример позаимствован нами из юмористического сайта в Интернете:

Сегодня у нашей группы в МИИТе был экзамен по химии. Нас рассадили по разным партам, каждый взял по билету, раздали листочки, (с росписью учителя) и сказали – всё, пишите. Один парень у нас очень нервничал, и вдруг произносит: «А писло чесать надо?» Оговорился бедняжка!

Препоп на него посмотрел очень удивленно и сказал: «Чеши, если поможет».

Примеры подобного рода можно истолковывать как проявление несогласованной работы (и, в общем-то, относительной автономии) фонемного и лексического уровней в общем механизме речепорождения.

В то же время, если говорящий справился с планом выражения нужных ему слов, то это еще не гарантирует правильного их размещения в синтаксической структуре фразы, ср. пример из русской художественной литературы:

– Здравствуйте, Татьяна Марковна, – сунулся он поцеловать у ней руку, – я вам привез концерты в билет... – начал он скороговоркой.

– Что ты мелешь, опомнись... – остановила его мать.

– Ох, билеты в концерт, благотворительный. Я взял и вам, маменька, и Вере Васильевне... (И.А. Гончаров. Обрыв).

Приведем также аналогичные примеры словесной путаницы на материале польского языка; на сей раз источником для нас послужат сочинения польских школьников: *Jeździec bił konia bokami po piętach*; *Zeus kazał przybić skalę do Prometeusza*; *Środkiem ulicy, po zrujnowanym bruku, wlokły się noga za nogą cegły z wozem*; *Na posiłki Marcysia składały się chleb, barszcz i sól maczana w chlebie* (из сборников „Przekrój przez humor zeszytów”).

Понятно, что обмолвки и описки такого типа носят моторный, естественно-физиологический характер: они обусловлены ослаблением контроля за речепроизводством. Вместе с тем, они по-своему свидетельствуют об автономности функционирования лексических и синтаксических единиц в деятельности говорящего. Для нас же важнее всего то, что они создают своего рода прецедент, психологическую основу для сознательного использования синтаксических перестановок слов – именно тогда мы имеем дело с **хиазмом**.

2.2 Впрочем, в реальных условиях речевого акта не всегда бывает легко определить, когда мы имеем дело со случайной обмолвкой, а когда синтаксический перевертыш преследует какие-то специальные эстетические цели. Рассмотрим следующие примеры из русских художественных текстов:

Сосед продолжал, обращаясь к Флетчеру:

– У вас там, за рубежом, леса грибные есть? Ходите?

Ф л е т ч е р. За рубежом лесных грибов нет (А. Володин. Осенний марафон).

Ш п а к. А меня ж, Зинаида Михайловна, обокрали. Собака с милицией обещала прийти (кинофильм «Иван Васильевич меняет профессию»).

– Любопытно, – продолжал, нахлестываясь, директор, – что мы сейчас рассуждаем, как твой Мальтус: беседуем об ужасах цивилизации в заповеднике, где у нас по сто километров...

– На одного квадратного человека... – подхватил корреспондент (А. Битов. Заповедник).

Представленные здесь явные или скрытые перевертыши (*грибные леса / лесные грибы, собака с милицией / милиция с собакой, сто километров на одного квадратного человека / сто квадратных километров на одного человека*) демонстрируют возможности речевой игры на грани «ошибка / приём». В связи с этим стоит вспомнить одно место из статьи Б.А. Ларина, в которой автор показывает, как примеры речевой «несуразности» становятся значимым элементом художественного текста:

«Приезжай ко мне в деревню, угощу тебя черным молоком и сладким хлебом» (из письма). В разговоре, если б сказано было без особых ударений, мы сразу мысленно исправили бы порядок слов и не придали бы этому случаю речи никакого значения, – в письме (и оттого, что в недавние годы) без всяких соображений улавливаем в этом шутку, игру слов, ощущаем искусство речи» (Ларин 1974: 38–39).

3.1 Вообще синтаксический перевертыш – это, конечно, не столько литературный прием, сколько часть **общего механизма, заложенного в наивной грамматике носителя языка**. Об этом свидетельствует не только эстетическое удовлетворение рядового читателя при столкновении с примерами хиазма, но и его активное участие в создании подобных конструкций. Как уже отмечалось, хиазм весьма распространен в малых фольклорных жанрах – таких, как пословицы, скороговорки, потешки, анекдоты и т.п. Не случайно он популярен и в детской речи: такие попытки речетворчества закрепляют освоение ребенком реального мира. К.И. Чуковский посвящает в своей книге «От двух до пяти» целых два раздела «небывальщинам» и «нелепицам», а по сути (в основном) синтаксическим

перевертышам (Чуковский 1984: 186–206). С появлением сети Интернет стихийное (особенно молодежное) литературное творчество стало поистине массовым, и примеры синтаксических перевертышей занимают здесь – в собраниях шуточных афоризмов – достойное место. Приведем несколько разнородных иллюстраций из русскоязычного и польскоязычного сайтов:

Лучше колымить на Гондурасе, чем гондурасить на Кольме.

Счастье есть, но есть – вот несчастье.

Крепче за шоферку держись, баран.

Женщины, мужайтесь! Мужчины, женитесь!

Mamy prawo do szczęścia, ale nie mamy szczęścia do prawa.

Wtedy nie uważałaś, co robisz, teraz rób co uważasz.

Uczyć się – Lenin. Lenić się – uczeń.

Можно сказать, что хиазм – это торжество трансформаций в грамматике носителя языка. Обычный человек вдруг осознает, что ему вполне доступно (и не только в части словообразовательных средств) самостоятельное творчество в языке. Говорящий находит в хиазме (подсознательно, конечно) залог свободы речепорождения, гарантию своей независимости от заложенного в языке общественного опыта. Он действует примерно по принципу: все говорят: «Не делайте из мухи слона», а я вот возьму да и скажу: «Не делайте из слона муху!» Все говорят: «Аппетит приходит во время еды», а я скажу: «Пусть еда приходит во время аппетита!» Чем это не творчество? Более того, оказывается, что с помощью такого простого («дешевого») способа можно достичь немедленного и разительного результата: создания парадоксального смысла! Незначительная, в общем-то, перестройка уже готовой фразы приводит к полному обновлению представленной картины мира...

3.2 Разумеется, несложный механизм синтаксического перевертышания не всегда приносит столь ощутимые смысловые результаты. Иногда появление хиазма в тексте обусловлено тем, что говорящему просто **всё равно, как сказать**. Показательны в данном отношении атрибутивные синтагмы «прилагательное + существительное», допускающие различное (и практически равновероятное) заполнение подчинённой и подчиняющей позиций. Приведем несколько примеров из российской прессы: *Ей (современной женщине – Б.Н.) нужны, в общем, минимум двое. А Гэнсбург совместил их в одном лице. Циничный романтик или романтический циник, не знаю, чего в нем больше...* («Комсомольская правда», 25 июня 1996); *Я долго не мог оторвать взгляда от этого снимка. Узнал сразу Луконина и Воронько. Что меня поразило в них – это какая-то беспощадная самоотреченность. Или наоборот – самоотреченная беспощадность* («Литературная газета», 19 июля 1978); *Один из иностранцев сказал: «В Москву надо приезжать зимой». Значит, зимняя Москва, значит, московская зима его поразила, пленила, увлекла...* («Известия», 16 ноября 1975); *Вот такой день был вчера. Вместе поужинали, потом сходили в кино на старинный – такие только на курортах и показывать – немецкий фильм, переполненный глупыми песенками, пухлыми красотками и какой-то развратной добропорядочностью... или, может быть, наоборот – добропорядочной развратностью? Впрочем, неважно*

(«Студенческий меридиан», 1990, № 12). Не затрагивая здесь вопроса о семантических и словообразовательных предпосылках такого перевертывания, заметим, что сама возможность выбора одного из двух вариантов, по-видимому, привлекательна для говорящего – хотя бы потому, что воплощает в себе общую идею свободы речетворчества.

3.2.1 Добавим, что данная проблема не ограничивается рамками экспрессивного синтаксиса и затрагивает также интересы ономазиологии. В частности, польская исследовательница Я. Навацка посвятила специальную статью терминологическим сочетаниям-дублетам в польском языке типа *fundament lawowy / tawa fundamentowa, żarnik drutowy / drut żarnikowy, rozdzielnica tablicowa / tablica rozdzielcza* и т.п. По мнению автора, регулярность подобных случаев (соотносящихся с потенциальным словообразованием) определяется исключительно возможностями трансформационной грамматики: легкостью, с которой существительное преобразуется в соответствующее прилагательное, и наоборот (Nawaska 1978: 163). Понятно, что такое варьирование может быть свойственно составным терминам лишь до определенной поры – пока соответствующие названия не вполне отстоялись и кодифицировались; однако общие механизмы и предпосылки преобразований здесь, очевидно, те же, что и в сфере экспрессивного синтаксиса.

3.3 Таким образом, можно считать доказанным, что обычный носитель языка принимает как благо возможность продолжить текст с использованием уже (только что) употребленных языковых единиц, при условии, что повторно эти единицы используются в иной, «зеркальной» функции, по принципу «то же, да не то же». Еще больший соблазн перед таким эффективным и эффектным средством испытывает профессионал-писатель или публицист: язык, можно сказать, сам, автоматически, подсказывает ему пути развития текста. Покажем это на примере двух цитат из современной русской поэзии.

*Где дождь, где сад – не различить.
Здесь свадьба двух стихий творится...*

*Весь сад в дожде! Весь дождь в саду!
Погибнут дождь и сад друг в друге...* (Б. Ахмадулина. Дождь и сад)

*Не трожь человека, деревце,
Костра в нем не разводи...*

*Не бей человека, птица.
Еще не открыт отстрел...* (А. Вознесенский. Роща)

Представленный в первом случае явный синтаксический перевертыш (*сад в дожде / дождь в саду*) и представленный во втором случае хиазм скрытый (ср.: *не трожь деревце, человек – не трожь человека, деревце...* и т.п.), несомненно, участвуют в создании художественного образа.

Более того, перевертывание синтаксических отношений может непосредственно влиять на развитие сюжета, а в случае с миниатюрными жанрами и создавать сам сюжет. Примером нам на сей раз послужит литературный анекдот о том, как монахи одного монастыря обратились в Священный Синод с запросом: можно ли во время молитвы курить? Синод, естественно, ответил отказом. Тогда монахи послали новое письмо, в котором спрашивалось: можно ли молиться во время курения? «Можно», – ответил Синод. Вывод: всё зависит от постановки вопроса!

Действительно, перевертывание грамматических отношений воплощает в себе для носителя языка иной «взгляд на мир», иную психологию, иную философию. Так, герой одного из рассказов В. Токаревой вдруг обрел способность по-новому смотреть на привычную ему картинку: очередь за товарами. Прочитируем:

И вдруг я обратил внимание, что очередь стала какой-то другой. Сначала я не мог сообразить, в чем дело. Но, взглядевшись, понял: люди и вещи поменялись местами. Вещи вытянулись в длинную очередь и выбирают себе людей. А люди сидят в картонных коробках, в какие пакуют телевизоры, и, высунув головы, дышат свежим воздухом («Японский зонтик»).

И далее сюжет рассказа развивается уже с учетом этих перевернутых отношений. Хиазм, таким образом, способен создавать свой особый мир, свою виртуальную действительность, устроенную по принципу «что было бы, если бы *X* и *Y* поменялись местами (ролями)».

3.4 Приведенные примеры сюжетной значимости хиазма подкрепляются популярностью данного приема в абсурдистской литературе. Так, стихотворение Д. Хармса «Иван Топорышкин» полностью построено на принципе синтаксической «чехарды»: слова беспрепятственно путешествуют по уже заданным синтаксическим позициям:

Иван Топорышкин пошел на охоту,
С ним пудель пошел, перепрыгнув забор.
Иван, как бревно, провалился в болото,
А пудель в реке утонул, как топор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
С ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.
Иван повалился бревном на болото,
А пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
С ним пудель в реке провалился в забор.
Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
А пудель вприпрыжку попал на топор.

Отсюда – один шаг до перевертыша, играющего роль сюжетной основы литературного произведения. Речь идет о тех случаях, когда герои – на более или менее длительное время – меняются своими ролями, надевают речевую маску

друг друга. Данный прием используется, например, в кинокомедиях Э. Рязанова «Служебный роман» и «Вокзал для двоих». На нем строится целая повесть «Принц и нищий» Марка Твена; примеры «переодевания» персонажей (в том числе речевого) нетрудно найти в комедиях В. Шекспира и Ж.-Б. Мольера, Б. Брехта и Е. Шварца... Перевертыш, таким образом, доказывает свою всесильность или универсальность – в том смысле, что он охватывает все языковые уровни – начиная от фонемного и кончая уровнем целого текста.

4 В чисто лингвистическом плане хиазм представляет наибольший интерес как средство формирования в сознании носителя языка системы функционально-синтаксических позиций. Функционально-синтаксические позиции – те ячейки, из которых складывается синтаксическая структура высказывания (и которые частично соотносимы с членами предложения в традиционной грамматике). Каждая такая единица содержит в себе определенные лексико-семантические условия («предписания») своей реализации. Так, для позиции субъекта состояния (физического или психического) типично заполнение словами, называющими человека или животных (типа *Петя, сосед, старик, собака*). Поэтому-то фразу типа *Старику не спится в доме* мы воспринимаем как совершенно обычную, «нормальную», а фразу *Кораблю не спится в порту* – как метафорическую, «художественно окрашенную». Еще пример: для позиции инструмента характерно заполнение лексикой с конкретно-предметным значением. Поэтому фраза типа *Мы открыли дверь ключом* выглядит совершенно обычной, а фраза *Мы открыли дверь слесарем* режет глаз (см.: Норман 1997: 6–8; Норман 1996: 3–7). Исследователи вынуждены включать в план содержания функционально-синтаксических позиций такие семы, как ‘предметность’ (или ‘вещность’), ‘нарицательность’, ‘одушевленность’, ‘собираемость’ и т.п. (см., например: Богданов 1977: 3–38).

4.1 Хиазм в данном плане играет существенную роль: он экстраполирует, распространяет действие уже отработанных, испытанных синтаксических моделей на не свойственные им лексические классы. Иными словами, через «захват» новой лексики он расшатывает границы единиц, уже заданных в сознании носителя языка, приучает его к более мягкой, более размытой трактовке функционально-синтаксических позиций. По сути, таким образом носитель языка, не эксплицируя и не осознавая своих лингвистических знаний, развивает, видоизменяет сформировавшуюся в его голове систему грамматических понятий.

Действительно, по-русски, хотя и с натяжкой, но можно сказать: *Я люблю обед*. Но можно ли сказать *Обед любит меня*? В принципе такой факт **речи** не исключен – он может встретиться, например, в художественном контексте (ср. у Д. Пригова: *Допустим, я люблю собой, своим обедом и женой*). Но допустить возможность (приемлемость) фразы *Обед любит меня* с точки зрения русского языка – значит по крайней мере вложить некоторое особое значение в слово *любить*, а, может быть, и вообще пересмотреть отношения, существующие между понятиями «я» и «обед»... Поэтому, когда мы читаем, скажем, в романе В. Набокова «Король, дама, валет» такие пассажи, как: *Я люблю холод, но он меня не любит; Странное дело: вещи не любили Франца* и т.п., то понимаем, что их можно истолковать по-разному. Можно увидеть здесь анимизацию (одушевление) элементов среды, окружающей

героев, а можно считать, что изменилось функциональное соотношение субъекта и его протагониста (партнера)... Но в любом случае этот смысловой сдвиг возник благодаря механике синтаксического переноса.

Д. Буттлер говорит в таких случаях о «неожиданной осмысленности перевернутого содержания» словосочетания. В качестве примера она приводит шуточный польский афоризм: *Romantyk: Szczęście pieniędzy nie daje!*, букв. ‘Романтик: Счастье не приносит денег!’, воспринимаемый, конечно же, на фоне устойчивого, распространенного в польском языке выражения *Pieniądze szczęścia nie dają* ‘Деньги не приносят счастья’ (Buttler 1974: 262). Понятно, что в данном хиазме не просто перевертываются отношения, традиционно существующие между понятиями «деньги» и «счастье», но происходит расшатывание представления о том, что вообще может выступать в роли каузирующего субъекта или причины, а что – в роли следствия... Языковая игра, таким образом, служит не только соотносению мира языка и мира действительности, но она формирует сам способ познания этой действительности и ее отражения в языке.

4.2 Результатом «деятельности» хиазма является наличие в языке множества стертых метафор типа рус. *Награда нашла героя, Время выбрало нас, Стены этого дома видели Пушкина, Книга ждет своего читателя; Идея овладевает массами* и т.п. В то же время чувство языковой меры постоянно предостерегает нас от излишней мягкости в оценке выражений типа *Обед любит меня*. Есть ли какие-то объективные пределы у операции синтаксического перевертывания? Прочитируем по этому поводу одну лингвистическую работу:

«Если такие категории, как субъект, объект, адресат, инструмент, место, направление и др., отражают объективные свойства отражаемой в высказывании ситуации, то подлежащее и сказуемое относятся к миру субъективной интеллектуальной деятельности человека: в реальной ситуации нет ни подлежащего, ни сказуемого...»

Об этом свидетельствует различие залоговых диатез глагола:

Ученый подготовил проект – Проект подготовлен ученым – Подготовка проекта осуществлена ученым...

Следует обратить внимание, что изменение логической функции высказывания не влияет на его истинностное значение. Если же модификации будут подвергаться номинативные категории (субъект или объект действия), высказывание может оказаться несовместимым с нормальным положением дел, ср.:

*Проект подготовил ученого» (Киклевич 1999: 162).

Любопытно, что аналогичные проблемы волнуют представителей самых разных лингвистических направлений – от трансформационной грамматики 60-х годов до когнитивной грамматики 90-х. Так, А. Хилл в своей полемике с Н. Хомским размышлял над степенью отмеченности (правильности) английских высказываний типа *John plays golf – Golf is played by John, Golf plays John – John is played by golf* (Хилл 1962: 106–107 и др.). А Л. Талми, рассматривая случаи «семантических конфликтов» между лексическим и грамматическим значениями в рамках предложения, однозначно решает вопрос в пользу последнего – потому что «именно форма закрытого (т.е. грамматического – Б.Н.) класса определяет конечную концептуальную структуру» (Талми 1999: 109).

Нас, собственно, во всем этом интересует одно: на чем основана неотмеченность (неправильность) фразы типа **Проект подготовил ученого?* Неправильна ли она сама по себе или только как трансформ (модификация) фразы *Ученый подготовил проект?* И как оценивает возможность такого перевертывания реальный носитель языка?

4.3.1 Мы попытались получить ответ на этот вопрос экспериментальным путем. Были взяты 10 обычных предложений со «стандартным» лексическим заполнением функционально-синтаксических позиций (*Собака вертит хвостом, Школа отстаёт от жизни, Писатель пишет книгу, Чемодан соответствует хозяину* и т.п.) и методом перевертывания трансформированы в свои «противоположности».

В результате был получен список из 10 фраз, которые были предложены испытуемым (студентам гуманитарных специальностей Белорусского государственного университета в Минске) со следующим заданием:

Какие из следующих предложений вы считаете возможными (допустимыми) в русском языке? Отметьте их птичками.

Общее количество испытуемых – 100 человек. Далее приводятся список предъявленных высказываний; в скобках после каждого примера указано количество положительных ответов (отмеченных птичками).

Хвост вертит собакой (24)

Жизнь отстаёт от школы (36)

Книга пишет писателя (14)

Хозяин соответствует чемодану (69)

Проект подготовил ученого (19)

Небо плывёт по облакам (13)

Ученик воспитывает учителя (92)

Физика ненавидит мальчика (21)

Кошка спряталась от мыши (74)

Море впадает в реку (5)

4.3.2 О чем говорят полученные количественные данные? Прежде всего о том, что испытуемые довольно мягко, толерантно относились к отображению «перевернутых» ситуаций (а то, что содержание предложений именно таково, становилось ясно почти сразу же: об этом говорил сам ряд, в котором оказывалось каждое следующее высказывание). Итак, каждое предложение получило положительную (одобрительную) оценку некоторого количества студентов (от 5 в минимальном случае до 92 в максимальном). Вместе с тем, сам разброс между этими показателями достаточно велик, чтобы быть прокомментированным. От чего зависит большая или меньшая «приемлемость» той или иной фразы?

Прежде всего испытуемый, конечно, оценивал референциальный аспект высказывания, то есть то, насколько его содержание соответствует или не соответствует реальному положению дел (как оно представляется обычному человеку). Это те базовые знания об объектах, которые лингвистически воплощаются лишь в формулах типа «Истинно, что...», «Существует...», «Не существует...», но которые составляют важнейшую часть семантической системы (Bogusławski 1998: 24–26, 92 и др.). Иными словами, для носителя языка желательно,

чтобы имеющиеся у него языковые знания подтверждались опытом внеязыковой (практической) деятельности. Скажем, высказывание *Ученик воспитывает учителя* оценивается испытуемыми как «почти нормальное» (сумма баллов 92), потому что за ним прочитывается соответствующая реальная ситуация. Действительно, такое в жизни может быть: ученик заставляет учителя изменить его отношение к себе, делает его мягче или, наоборот, жестче... Кроме данного примера, еще два высказывания – *Хозяин соответствует чемодану* и *Кошка спряталась от мыши* – получили весьма высокое количество баллов (соответственно 69 и 74). По отношению к ним также можно утверждать, что наше сознание (если считать репрезентативными свидетельства наших испытуемых) способно вычленять соответствующие ситуации из объективной действительности и включать их в языковую картину мира. В то же время фраза *Море впадает в реку* «запрещается» для большинства испытуемых не только правилами узальной сочетаемости лексем (как это: *море впадает?* Куда оно может впадать?), но и маловероятностью самой референтной ситуации (хотя в принципе река может вытекать из моря или, во всяком случае, из озера). Языковое сознание не готово к обработке соответствующей ситуации, оно не находит ей опоры во внеязыковом опыте.

Второй фактор, который, по всей видимости, влиял на деятельность испытуемых, – это семантика конкретных слов (особенно занимающих предикатную позицию). Скажем, в примере *Хозяин соответствует чемодану* глагол *соответствовать*, играющий роль предиката отношения, в принципе допускает конверсию сопровождающих его аргументов: *X соответствует Y = Y соответствует X*. А вот представленный в примере *Книга пишет писателя* глагол *писать* со значением интеллектуально-созидательной деятельности такой конверсии в своем окружении не предусматривает.

Третий фактор, возможно, – относительная устойчивость фразы. Так, можно полагать, что выражение *Хвост вертит собакой* является уже знакомым для многих носителей русского языка (фраза *Хвост вертит кошкой* наверняка бы оценивалась испытуемыми значительно хуже).

Наконец, можно предположить, что испытуемые (напомним: студенты-гуманитарии) расценивали предлагаемые им примеры как своего рода интеллектуальную игру. А это значит – большая или меньшая «приемлемость» фразы оказывалась в зависимости от того, насколько легко (или даже автоматически) носитель языка восстанавливал антецедент (исходную, опущенную часть хиазма). Так, если пример *Физика ненавидит мальчика* вызывал у участников эксперимента большие сомнения в плане его отмеченности, то можно с уверенностью утверждать, что развернутый вариант – *Как мальчик ненавидит физику, так и физика ненавидит мальчика* или *Не только мальчик ненавидит физику, но и физика ненавидит мальчика* и т.п. – выглядел бы в глазах испытуемых более «правильным».

В основе же всех этих факторов лежат, очевидно, процессы взаимодействия в речи единиц лексического и синтаксического уровней языка; и процедура перевертывания (хиазма) занимает среди этих процессов не последнее место.

5 Остается выяснить, какие типологические особенности присущи хиазму в отдельных славянских языках. С одной стороны, хиазм, как известно, явление

распространенное, представленное в самых разных языках; с другой стороны, в каждом языке существует свой набор конструкций, «предрасположенных» к синтаксическому перевертыванию (см.: Щербина 1975: 82–83; Береговская 1984: 24–47; Норман 1991: 13–14 и др.).

5.1 Особенности грамматического строя славянских языков, действительно, так или иначе отражаются и на процедуре хиазма. В частности, аналитизм современного болгарского и македонского языков приводит к тому, что основная роль в сигнализации перевернутых синтаксических отношений возлагается здесь на словопорядок и служебные слова (прежде всего предлоги). Покажем это на нескольких примерах из болгарского языка.

Жената на приятеля е за предпочитане пред приятеля на жената. По-русски этот шуточный афоризм можно передать как ‘Лучше жена друга, чем друг жены’; падежные флексии при переводе принимают на себя значительную часть той функциональной нагрузки, которая в оригинале закреплена за порядком слов и предлогом *на*.

Не ще мляко с ориз, ище ориз с мляко (пословица из сборника П.Р. Славейкова «Български притчи»). Буквальный перевод – ‘Не хочет молока с рисом, требует риса с молоком’ (о капризном человеке). И опять – в отсутствие падежных форм процедура синтаксического перевертывания с достаточностью обеспечивается измененным порядком слов.

Заспиш ли, светът просто умира и погребва всяка мъка. Животът все едно е спрял, за да тръгне отново, всеки ден малко по-красив и малко по-мъдър. Някои казват: «По-малко красив и по-малко мъдър». Тяхна си работа (Д. Цончев; пример заимствован из: Брезински 1994). Перевести эту цитату на русский язык с сохранением ее структурных особенностей оказывается невозможным, так как мы имеем здесь дело с аналитическим выражением степеней сравнения прилагательных и наречий в болгарском языке: *малко по-красив* означает ‘чуть красивее’, *малко по-мъдър* – ‘чуть умнее’, *по-малко красив* – ‘менее красивый’, *по-малко мъдър* – ‘менее умный’.

Получается, что формальное выражение хиазма в разных языках может обеспечиваться сочетанием различных средств.

В том же болгарском, кстати, представлено явление так называемой репризы именного дополнения – то есть дублирования существительного, играющего роль объекта, местоименной клитикой. Краткая форма личного местоимения используется, в частности, как сигнализатор непрямого, инверсионного порядка слов. Примером может послужить болгарская поговорка *Хубавата ябълка свинята я изяжда* – букв. ‘Красивое яблоко свинья его съедает’ (о чем-то хорошем, несправедливо доставшемся плохому человеку). Реприза именного дополнения может играть роль вспомогательного средства и в случаях скрытого хиазма: ему ведь тоже в процессе речепорождения предшествует инверсия. Покажем это на следующем примере. *Автомобилът направи Америка – бе казал някога Хенри Форд-първи. И макар че трудно може да се каже, че Съветския съюз «го направи самолетът», все пак той сериозно повлия върху развитието на нашата страна...* (Паралели, 1982, № 4). В данной цитате выражения *Автомобилът направи Америка*

‘Автомобиль создал Америку’ и *Съветския съюз го направи самолетът* ‘Самолет создал Советский союз’ воспринимаются, несомненно, на фоне «более естественных» (менее метафоричных) выражений *Америка направи автомобиля* ‘Америка создала автомобиль’ и *Съветският съюз направи самолета* ‘Советский союз создал самолет’. Но поскольку антитезис здесь представлен в отсутствие тезиса (или аподосис – без протасиса), то можно считать, что мы имеем дело со скрытым хиазмом. И клитика *го* в исходной цитате помогает читателю правильно истолковать фразу, поясняя, что *Съветския съюз* – это объект, а не субъект действия, а сама направленность действия тут перевернута.

5.2 Распространению хиазма в польском языке несколько мешает то обстоятельство, что здесь существуют определенные ограничения, налагаемые на порядок следования компонентов атрибутивной синтагмы (ср. конструкции типа *liberalna partia* и *partia liberalna*). Через препозицию и постпозицию определения сигнализируется место, которое занимает прилагательное на шкале «качественность – относительность»; некоторые ученые говорят в данной ситуации даже о выражении особой грамматической категории «терминологичности» или «номенклатурности» (Weinsberg 1983: 224). В последнем случае перевертывание отношений между определением и определяемым, столь естественное для русского языка и ограниченное здесь лишь словообразовательными условиями (ср.: *либеральная партия* – *партийная либеральность*, *служебный кабинет* – *кабинетная служба*, *государственное право* – *правовое государство* и т.п.), становится в польском языке проблематичным. Есть в польском и другие ограничения на изменение порядка слов – в частности, связанные с тема-рематической организацией высказывания (см.: Всеволодова 1997, 35 и др.); все это, естественно, создает свои «запреты» на использование перевертышей.

6 Таким образом, хиазм – распространенная процедура в динамической грамматике славянских языков, широко используемая и в качестве художественного приема. Реализация ее обусловлена особенностями грамматического строя конкретного языка: богатством или бедностью его морфологической парадигмы, правилами размещения слов во фразе и т.п. В любом случае, однако, примеры хиазма дают обильную пищу для теоретических дискуссий и заключений.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕРЕГОВСКАЯ Э.М. Экспрессивный синтаксис. Смоленск, 1984.
- БОГДАНОВ В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград, 1977.
- БРЕЗИНСКИ Ст. Синтаксис и стилистика. София, 1994.
- ВСЕВОЛОДОВА М.В. К вопросу о коммуникативной парадигме предложения // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. Под ред. С. Сятковского и Т.С. Тихомировой. Москва, 1997. С. 28–44.
- КИКЛЕВИЧ А.К. Лекции по функциональной лингвистике. Минск, 1999.
- КРЫЛОВА О.А. Хиазм: текстовая природа экспрессивности // *Stylistyka*, IV, 1995. С. 210–214.
- ЛАРИН Б.А. О разновидностях художественной речи // Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Ленинград, 1974. С. 27–53.
- НОРМАН Б.Ю. Наречие в структуре высказывания: путь наверх (Фрагмент динамической грамматики русского языка) // *Russistik – Русистика*, 1997, № 1–2. С. 5–16.
- НОРМАН Б.Ю. Словоформа как фокус динамического взаимодействия лексики и синтаксиса // *Rusistica Española*, 1996, № 6. С. 3–12.
- НОРМАН Б.Ю. Синтаксические перевертыши в теории и практике русской речи // *Russistik – Русистика*, 1991, № 1. С. 6–18.
- ТАЛМИ Л. Отношение грамматики к познанию // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, 1999, № 1. С. 91–115.
- ФОЛСОМ Ф. Книга о языке. Москва, 1974.
- ХЕЛЛЬБЕРГ Е.Ф. Фольклорные перевертыши // *Russian Linguistics* (12), 1988, № 3. С. 293–301.
- ХИЛЛ А. О грамматической отмеченности предложений // *Вопросы языкознания*, 1962, № 4. С. 104–110.
- ЦЕЙТЛИН С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. Москва, 2000.
- ЧУКОВСКИЙ К. От двух до пяти. Минск, 1984.
- ЩЕРБИНА А.А. О некоторых приемах «заострения» слога // *Русский язык в школе*, 1975, № 3. С. 80–83.
- BOGUSIAWSKI A. Science as linguistic activity, linguistics as scientific activity. Warszawa, 1998.
- BUTTLE D. Polski dowcip językowy. Warszawa, 1974.
- NAWACKA J. O synonimach typu *fundament ławowy* // *ława fundamentowa* // *Poradnik Językowy*, 1978, Nr 4. S. 160–164.
- SOBKOWIAK W. On spoonerisms // *Word*, vol. 41 (1990), № 3. P. 277–292.
- WEINSBERG A. *Językoznawstwo ogólne*. Warszawa, 1983.

POVZETEK

Hiazem ali skladijski premet je literarni prijem, ki se zlasti pogosto uporablja v kratkih zvrsteh: aforizmih, anekdotah, pregovorih, geslih ipd. Obenem je to – širše vzeto – eden od postopkov v skupnem mehanizmu generiranja govora in kot takšnega ga uporablja navaden nosilec jezika.

Prvi pogoj za hiazem je relativna avtonomija različnih jezikovnih ravnin, najpomembnejša (z jezikoslovnega vidika) pa je njegova posledica – rahljanje, omilitev pravil, ki urejajo odnose med skladijskimi položaji in leksikalno-semantičnimi razredi.

Realizacija hiazma v posameznih slovanskih jezikih je povezana s posebnostmi slovničnega ustroja vsakega jezika: s sprejetimi pravili besednega reda, z bogatostjo ali revnostjo pregibne paradigme, s specifično besedotvornih modelov.

Ugotovljene zakonitosti se v članku ponazarjajo pretežno s primeri iz ruščine, poljščine in bolgarščine.